

Объяснения истца

1. Я работал в ВФ МЭИ в 2001/2002 и с 2007 до увольнения. Никогда не имел претензий по работе. Приказом № 735-л от 12.08.2010 мне была объявлена благодарность за добросовестную работу. Представление кафедры на должность профессора, подписанное зав. кафедрой В.Г. Кульковым в октябре 2012, свидетельствует о том, что моя репутация была высокой.

2. Проблемы начались после того, как в сентябре 2011 я защитил докторскую диссертацию на мех-мате МГУ. В октябре 2012 меня перевели на должность профессора кафедры общей физики с нагрузкой 0,5 ставки. При этом я всегда работал в постоянном штате. Вскоре я начал замечать, что меня «задвигают в угол». Например, меня не включили в научный и даже научно-технический совет, хотя я был единственным доктором наук – математиком, а общее число штатных докторов не превышало 8 человек (сегодня их осталось 5). Мне также выделялась учебная нагрузка, которая не соответствует моей квалификации и научно-педагогическому потенциалу.

3. В начале 2014 у меня возник острый, личный конфликт с нынешним директором Султановым, который был тогда заместителем по науке. Я начал замечать, что он создает мне трудности в работе и пытается меня унижить в глазах студентов и коллег.

4. 30 июня 2014 я получил уведомление о том, что моя нагрузка снижена до 0,2 ставки и в случае несогласия я буду уволен. Я письменно отказался, и меня фактически отстранили от работы, т.к. учебную нагрузку на 1 сентября не выделили совсем. 3.09.2014 я обратился с иском в Волжский городской суд. В суде администрация ВФ МЭИ лгала о том, что нагрузка мне не снижалась и уведомление от 30.06.2014 было лишь предложением, от которого я мог отказаться. Также лгала о том, что на 1 сентября 2014 мне была выделена нагрузка 0,5 ставки. Мне было отказано в удовлетворении иска, но после обращения в суд ситуация с работой, на первый взгляд, начала улучшаться.

5. Кафедра физики выделила мне нагрузку менее 0,07 ставки в I семестре (физика в одной группе из 7 вечерников), но была обещана нагрузка на II семестр, недостающая до 0,5 ставки из расчета на год. Однако, эта нагрузка была подобрана так, чтобы унижить и спровоцировать меня, о чем подробно поясняется ниже.

6. Таким образом, конфликт не был исчерпан. Он разгорался на фоне следующих событий. Уйдя по возрасту в отставку в октябре 2012, первый директор ВФ МЭИ

Кузеванов оставил за собой место профессора и контроль за коммерческой структурой «Образовательный Центр» при ВФ МЭИ. Для сохранения влияния он сформировал слабую администрацию из послушных себе, молодых людей с низкой квалификацией. В ходе этой программы промежуточный директор Шамигулов, пробыв на должности меньше 2-х лет, 6 сентября 2014 ушел с нее по собственному желанию без всяких видимых причин. Его место автоматически занял Махсуд Султанов, исполнявший обязанности зам. директора по науке. Он сделал подозрительно быструю карьеру в ВФ МЭИ, начав в 2011 с должности зам. директора по инновациям, имея за плечами только что полученную степень к.т.н. и нулевой опыт работы в ВУЗе (бывший машинист на ТЭЦ и коммерсант). Я убежден в том, что рокировка Шамигулова с Султановым была организована Кузевановым, который не смог бы протащить столь слабую кандидатуру, используя нормальную процедуру назначения директора..

7. 9 сентября 2014 я направил письмо ректору МЭИ Рогалеву с предупреждением о том, что Султанова нельзя назначать директором, и вступил в переписку с проектором Гречиным. Эти события подтолкнули меня к тому, чтобы ознакомиться с кандидатской диссертацией М.М. Султанова. Я изучил диссертацию в октябре 2014 и пришел к выводу, что она не содержит ни одного верного результата и подлежит отмене. Об этом я уведомил Султанова, а также МЭИ и Минобрнауки. Вместо того, чтобы отстоять свою правоту в ходе научной дискуссии, Султанов начал жаловаться на меня в органы правопорядка и подал в суд.

8. Как только я окончательно проиграл трудовой спор в апелляционной инстанции (17 ноября 2014), администрация ВФ МЭИ перешла к лихорадочной фальсификации оснований для моего увольнения. Была начата кампания травли, главным исполнителем которой стала нач. отдела кадров Е.Б. Коваленко. 28 ноября 2014 я получил письмо из ВАК от том, что диссертация М.М. Султанова будет пересмотрена. Меня спешили уволить еще и для того, чтобы выдать за маргинала и этим помешать объективному рассмотрению дела о диссертации директора ВФ МЭИ (тогда он был И.О.). Спешили так, что не дали мне принять зачет и экзамен у студентов, который уже стоял в расписании на 10 января 2015. В присутствии студентов, прямо на занятии 25.12.2014 нач. отдела кадров Коваленко устроила унижительное представление с зачитыванием приказа об увольнении. Она также пыталась сорвать зачет, требуя от студентов не сдавать его мне, хотя на тот момент я еще работал. На следующий день меня уволили по ст. 81 часть (5) ТК РФ.

9. Ответчик приложил к делу множество актов о моем отсутствии на работе в период с 28 августа по 11 сентября 2014. Ни по одному из этих актов не было принято мер дисциплинарного воздействия в установленный законом месячный срок, и в изданных позднее приказах они не упомянуты. Данные акты понадобились Ответчику для того, чтобы сформировать у суда мнение обо мне, как о недобросовестном работнике. Однако, на 1 сентября 2014 мне не была выделена учебная нагрузка и моих пар не было в расписании занятий. Мне просто нечего было делать в институте. Следует заметить, что я живу достаточно далеко от ВФ МЭИ, так что на дорогу у меня уходит около 2-х часов.

Согласно существующей практике, преподаватели не обязаны находиться в ВУЗе, если у них нет в это время занятий или других дел, требующих присутствия на рабочем месте.

Необязательность постоянного присутствия преподавателей на работе также зафиксирована Правилами внутреннего распорядка Ответчика <http://profcoma.net/pravila-vnutrennego-rasporyadka-izvl/Ю> согласно которым:

«6.1. Преподаватели, учебно-вспомогательный и обслуживающий учебный процесс состав, работающий по шестидневной рабочей неделе, проводят работу по соответствующему графику обеспечения занятий студентов.»

Аналогичная по смыслу норма изложена в п. 8.2 Правил внутреннего распорядка ВФ МЭИ.

Таким образом все акты, начиная с № 17 от 29.08.2014 по № 27 от 11.09.2014, а также служебная записка В.Г. Кулькова от 12.09.2014 не имеют прямого отношения к делу и не могут рассматриваться в качестве доказательств правомерности действий Ответчика. То же касается служебной записки Кулькова от 9 января 2015, в которой он лжет о том, что я не выдал студентам расчетное задание. На тот момент меня уже уволили, поэтому данная фальшивка имела целью задним числом оправдать незаконные и аморальные действия администрации ВФ МЭИ.

Мне были вынесены следующие дисциплинарные взыскания

1. Приказ № 1126-к от 25.11.2014 об объявлении выговора.

Это выговор объявлен за то, что мой индивидуальный план работы преподавателя не был оформлен. Но заполнение индивидуального плана, само по себе, не является трудовой обязанностью. Обязанность – это его исполнение (п. 4.2 Правил внутреннего распорядка ВФ МЭИ). Но если план не утвержден, то нечего исполнять. Налицо трудовой конфликт по вине администрации, а не нарушение трудовых обязанностей.

Я не мог заполнить индивидуальный план в связи с тем, что мне не была выделена учебная нагрузка согласно трудовому договору - 0.5 ставки профессора кафедры общей физики. Реально я имел только 59,8 часа физики у вечерников, что немногим меньше 0,07 ставки. Другой учебной нагрузки от кафедры общей физики не было. Кафедра ТЭ и ТТ, а по существу М.М. Султанов предложили мне 346,05 часа предмета «Численные методы моделирования», но я отказался от них. То, что мне предлагали нельзя назвать иначе, как издевательством: 295,95 учебных часов у дневников состояли из лабораторных работ (**учебная нагрузка преподавателя кафедры ТЭ и ТТ**). При этом все 18 часов лекций были отданы преподавателю, имеющему более низкий уровень квалификации - кандидату технических наук, доценту Машкову с меньшим опытом преподавательской работы. В ВУЗах не принято, чтобы профессор вел практические занятия за лектором – доцентом.

В отзыве Ответчика утверждается, что А.В. Машков является профессором. Однако должность профессора может занимать только доктор наук или обладатель ученого звания профессор. При отсутствии докторской степени это звание в порядке исключения присваивается пожилым работникам ВУЗов, имеющим научные и педагогические заслуги. Ни одному из этих критериев А.В. Машков не соответствует, т.к. большую часть своей жизни он проработал на производстве, а не в ВУЗе. По-видимому, утверждение Ответчика о том, что А.В. Машков является профессором, не соответствует действительности. В противном случае его назначение на эту должность было необоснованным или фиктивным.

Несостоятельными являются утверждения Ответчика о том, что мне назначили нагрузку в виде лабораторных занятий за ведущим преподавателем Машковым (отзыв от 19.04.2014). Должности «ведущий преподаватель» в ВУЗе не существует. Тот факт, что Машков составил учебную программу по предмету «Численные методы моделирования» не связывал меня ничем. Каждый преподаватель вправе составить новую программу, исходя из своих взглядов на предмет и свободы преподавания в ВУЗе, которая ограничивается только требованиями образовательных стандартов (ст. 47 п. 3 пп. 1) – 5) Закона «Об образовании в Российской Федерации»).

В акте № 33 от 27.11.2014 Машкова назвали основным лектором. Такого понятия также не существует. Лектор всегда один, он же основной. В акте написана ложь о том, что я отказался вести «часть лекционных занятий». Мне вообще не выделили лекции на дневном отделении, а выделили только на вечернем для 7-ми студентов. При этом

Машков получил всего лишь 18 часов лекционных занятий, что является ничтожной нагрузкой с точки зрения зарплаты. Но Кузеванову и Султанову было важно унижить меня перед студентами и спровоцировать конфликт, который дал бы им искомый повод для увольнения. И этот замысел удался!

Кроме того, предложенная мне учебная нагрузка была закреплена за кафедрой ТЭ и ТТ, на которой я не работал и не испытывал желания работать, имея неприязненные отношения с зав. кафедрой – и.о. директора ВФ МЭИ Султановым. Поэтому я отказался заполнять индивидуальный план, т.к. в противном случае выразил бы свое согласие с этими действиями и был бы вынужден устраиваться на кафедру ТЭ и ТТ на унижительных условиях. При этом я просил своего заведующего Кулькова выделить мне нагрузку на кафедре общей физики, в соответствии с трудовым договором и моей квалификацией, но этого сделано не было.

В отзыве от 19.04.2014 Ответчик ссылается на мое заявление в суд от 19.09.2014. Но оно лишь подтверждает тот факт, что мне предлагали учебную нагрузку в размере 0,5 ставки. В тот момент мне казалось, что этот вопрос будет каким-то образом урегулирован. На момент судебного заседания я еще не знал, что и.о. директора Султанов придумал провокацию с Машковым, т.к. не обратил внимание на 3 строку снизу столбец 7 документа о нагрузке преподавателя, где отсутствовали лекции. Заметил это только тогда, когда попытался заполнить индивидуальный план. При этом выяснилось, что нагрузка не была передана на кафедру физики. Сразу заявил заведующему Кулькову о том, что такой план я заполнять не буду.

Ссылка ответчика на решение суда от 23.09.2014 не относится к данному вопросу. Суд посчитал, что нагрузка в целом мне не снижалась, однако не вдался в структуру этой нагрузки.

Приказа № 246-и от 1 сентября 2014 о передаче нагрузки для меня с кафедры ТЭ и ТТ на кафедру ОФ, на который Ответчик ссылается в отзыве от 19.09.2014, нет в приложениях к этому отзыву и нет в списке приложений. Если он существовал, то почему меня с ним не ознакомили или не составили акт об отказе ознакомиться? При изобилии актов по всевозможным поводам, в ситуации судебного спора по поводу нагрузки это было бы весьма странно. Почему 16.09.2014 меня ознакомили с предлагаемой нагрузкой на кафедре ТЭ и ТТ, но не ознакомили с приказом в отношении моей нагрузки, который якобы был специально выпущен для того, «чтобы сохранить в филиале доктора наук»

(как пишет в своем отзыве Ответчик) ? При этом к отзыву Ответчика приложена выписка из протокола ученого совета от 29 августа 2014, который разрешил передавать нагрузку между кафедрами. Но такая практика существовала всегда. Например, работая на кафедре ОФ, я вел нагрузку, которая ранее была закреплена за кафедрой ПТЭ. Несколько лет назад, работая на кафедре ПТЭ, я вел нагрузку, которая ранее была закреплена за кафедрой АТП, но передана на кафедру ПТЭ. Поэтому выписка из протокола от 1.09.2014, наскоро сфабрикованная для этого суда (нет печати), ничего нового не привнесла. Она лишь маскирует факт отсутствия приказа о передаче моей нагрузки на кафедру ОФ. Такого приказа не было! Ответчик пытается ввести суд в заблуждение.

Ответчик также утверждает (в последнем отзыве), что я получал зарплату за ту нагрузку, которая якобы была передана на кафедру физики. Но я получал зарплату 0,5 ставки на основании трудового договора (**трудовой договор от 31.10.2012, доп. соглашение от 6.03.2013**). Зарплата не связана с фактической нагрузкой, если ее изменения не отражены в дополнительных соглашениях к трудовому договору. Ответчик сам пишет о том, что учебная нагрузка порой распределяется неравномерно по семестрам. Я исходил из того, что вопрос с нагрузкой будет урегулирован до начала весеннего семестра. Однако, администрация ВФ МЭИ не собиралась решать эту проблему, т.к. осуществляла свой провокационный план.

Таким образом, нарушив условия трудового договора, администрация ВФ МЭИ создала конфликтную ситуацию, в которой оформление моего индивидуального плана стало невозможным. Данный вопрос оставался в подвешенном состоянии до тех пор, пока я не проиграл в апелляционной инстанции судебный спор по иску от 3 сентября 2014. Сразу после этого (17 ноября 2014), по-видимому, была получена команда от головного ВУЗа на мое увольнение под любым предлогом. После этой даты на мою голову посыпались акты и т.д.. Одним из этих, наскоро сфабрикованных документов, стала служебная записка В.Г. Кулькова - зав. кафедрой общей физик, датированная 19 ноября 2014. В ней Кульков выражает озабоченность фактом отсутствия у меня индивидуального плана и пишет о том, что напоминал мне об этом еще 16 сентября 2014. То, что он пишет о моем устном обещании заполнить индивидуальный план, не соответствует действительности. Я таких обещаний ему не давал и прямо сказал о том, что до урегулирования вопроса об учебной нагрузке план заполнять не буду. В последнем отзыве Ответчик лжет о том, что я открыто не отказывался заполнять индивидуальный план. Это видно, например, из акта № 29 от 20.11.2014, где в конце сказано, что по поводу претензий об индивидуальном плане я пояснил, что моя реальная нагрузка составляет

всего 0,05 ставки. Неурегулированность вопроса о моей нагрузке была той причиной, по которой я не мог заполнить этот план. Сказанное мною о нагрузке в 0,05 ставки – это и есть открытый отказ заполнить план с объяснением причины.

Таким образом, мой непосредственный начальник узнал об этом факте раньше, чем за месяц до вынесения дисциплинарного взыскания. Согласно п. 8.16 Правил внутреннего распорядка МЭИ, *«Руководители структурных подразделений несут персональную ответственность за состояние трудовой и учебной дисциплины в руководимых ими коллективах и обязаны немедленно за обнаружением проступка, и, в особенности прогула, применять меры воздействия»*. Однако, никаких мер воздействия ко мне не применялось. Это свидетельствует о том, что данное нарушение не было существенным и стало объектом пристального внимания только тогда, когда понадобился предлог для увольнения. Кроме того, приказом № 1126-к от 25.11.2014 была нарушена норма ст. 193 ТК РФ, согласно которой *«дисциплинарное взыскание применяется не позднее одного месяца со дня обнаружения проступка»*. Согласно п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 № 2, *«днем обнаружения проступка, с которого начинается течение месячного срока, считается день, когда лицу, которому по работе (службе) подчинен работник, стало известно о совершении проступка, независимо от того, наделено ли оно правом наложения дисциплинарных взысканий»*. Таким лицом был зав. кафедрой Кульков, узнавший о проступке не позднее 16 сентября 2014. Пространные рассуждения об этом в последнем отзыве Ответчика являются ничем иным, как попыткой запутать суд. Срок до написания служебной записки, начиная с которого следует исчислять месячный срок, истек 16 сентября 2014.

Остроумные рассуждения Ответчика о том, что *«из доводов Истца следовало бы признать, что работник может не исполнять обязанности бесконечно ...»* не отменяют тот порядок применения взысканий, который предусмотрен ст. 193 ТК РФ. Если бы Ответчик был прав в своих теоретико-юридических фантазиях, то норма о месячном сроке для взыскания не имела бы смысла, т.к., всегда можно было бы применить взыскание позднее, сославшись на аналогичные соображения. Закон не оставляет работодателю возможность накапливать компромат, чтобы потом шантажировать работника. Реальное нарушение трудовых обязанностей должно своевременно пресекаться! Неприменение дисциплинарного взыскания в течение месяца означает, что реальных оснований для взыскания нет, т.к. нарушение является незначительным или вины работника отсутствует.

Согласно ст. 193 ТК РФ, *«до применения дисциплинарного взыскания работодатель должен затребовать от работника письменное объяснение. Если по истечении двух*

рабочих дней указанное объяснение работником не предоставлено, то составляется соответствующий акт». В данном случае двух дней ждать не стали, но вместо этого в акте № 29 от 20.11.2014 зафиксировали требование объяснений в течение 2-х дней и одновременно отказ их предоставить.

В тот момент я был не в состоянии дать письменные объяснения, т.к. был крайне взвинчен и расстроен. На меня сразу вывалили кучу бумажек, в моем кабинете толпилась множество людей. Присутствовали человек 6 или 7. Главный бухгалтер, еще один бухгалтер, зам. директора, комендант, сторож, нач. отдела кадров и кто-то еще (не помню). В тот вечер (около 17-30) меня выставили из кабинета № 140-а, о чем свидетельствует накладная о внутреннем перемещении основных средств от 20.11.2014 (**накладная от 20.11.2014**). Происходила инвентаризация имущества, одновременно нач. отдела кадров Коваленко зачитывала какие-то доносы, уведомления и акты, вела себя нагло и провокационно. В такой обстановке я дал несколько устных комментариев по поводу происходящего, но писать ничего не стал. Мне не дали 2-х дней на объяснение, а сразу написали в акте об отказе.

По этому поводу Ответчик снова пускается в теоретизирование, придумывая новые идеи, которые якобы заложены в ст. 193 ТК РФ. Это касается срока на объяснение в два дня, который, по словам Ответчика, отнюдь не обязателен. Тот факт, что я не предоставил объяснение через два дня после активирования отказа, никак не подтверждает правоту Ответчика. Следует заметить, что в рассуждениях Ответчика отражена тенденция, в рамках которой кадровая служба МЭИ интерпретирует Трудовой кодекс так, как угодно начальству, искренне полагая, что поступает строго по закону. Налицо аберрация сознания, которая связана с непрофессионализмом (Коваленко – бывшая учительница, дочь главного юриста МЭИ Леймана – вчерашняя студентка).

Следует заметить, что этим днем 20.11.2014 датированы сразу три акта - №№ 29,30,31, в каждом из которых мне предъявляется требование объяснений в течение 2-х дней и одновременно утверждается об отказе их предоставить. Все это происходило одновременно, около 17.30. В той обстановке, которая описана выше, я просто не мог адекватно реагировать на этот поток обвинений.

Таким образом, приказ № 1126-к от 25.11.2014 нарушает порядок применения дисциплинарного взыскания, т.к. оно было вынесено без объяснений от работника, истребованных в установленном порядке.

Приказом № 1126-к от 25.11.2014 были нарушены:

1. Ст. 192 ТК РФ, т.к. не были учтены обстоятельства, при которых совершен проступок.
2. Ст. 192 ТК РФ в той части, которая требует наличия вины работника.
3. Ст. 60 ТК РФ, которая запрещает требовать исполнения работы, не предусмотренной трудовым договором.
4. Норма ст. 193 ТК РФ, согласно которой дисциплинарное взыскание применяется не позднее одного месяца со дня обнаружения проступка.
5. Норма ст. 193 ТК РФ о порядке наложения дисциплинарных взысканий, согласно которой работнику дается 2 дня на письменное объяснение.

В последнем отзыве ответчик лжет о том, что он стремился не допустить снижения моей нагрузки и, соответственно, зарплаты. Согласно уведомлению от 30 июня 2014, нагрузка была снижена с 0,5 до 0,2 ставки. На 1 сентября 2015 у меня не было нагрузки вообще. Если бы я не обратился с иском в суд 3 сентября 2014, то меня бы уволили за «прогулы» в начале учебного года.

2. Приказ № 1128-к от 26.11.2014 об объявлении выговора.

Мне был поставлен в вину факт непредставления в деканат ведомостей контроля текущей успеваемости, которые заполняются три раза за семестр. Эти ведомости касались единственной группы студентов-вечерников из 7-ми человек, в которой я один раз в неделю проводил занятия в то время, когда деканат уже не работает (с 18-00). Фактически, ни на одном занятии не было больше 3-х человек, а большинство занятий я провел для одного студента (Рылеева). В крайне нервной и провокационной атмосфере, в которой мне пришлось работать, я просто забыл о ведомостях текущей успеваемости. Такая рассеянность преподавателей является обычным делом в ВУЗах. В нормальной обстановке сотрудники деканата или кто-нибудь на кафедре напоминает о необходимости сдать ведомости. Но в данном случае мне никто об этом не напомнил и более того: администрация сознательно выжидала до конца ноября, чтобы создать повод для объявления выговора.

Важно заметить, что каждый преподаватель самостоятельно ведет контроль текущей успеваемости, и непредставление таких сведений в деканат никак не препятствует

учебному процессу. Если это создавало трудности для деканата, то следовало просто напомнить мне о том, что ведомость необходимо сдать. Вместо этого декан Поляков, а через месяц и.о. декана Агринская втайне пишут служебные записки, не пытаюсь вступить со мной в личный контакт. Таким образом, поведение администрации было провокационным, направленным на искусственное создание повода для объявления мне выговора, а сам этот повод является ничтожным.

Трудовой договор и никакой внутренний документ не накладывают на преподавателя обязанность сдавать в деканат ведомости текущего контроля. Пункт 2.5 положения о текущем контроле выполнения обязательных заданий и посещаемости учебных занятий (с которым меня не знакомили, насколько помню) предусматривает внесение сведений об успеваемости в журнал, хранящийся в деканате. Этот порядок давно не применяется на практике, поэтому положение не устанавливает трудовую обязанность, которая в данном случае якобы была нарушена. Порядок сдачи ведомостей применяется *de'facto*, однако его нарушение не может быть интерпретировано, как нарушение трудовых обязанностей.

При этом правила внутреннего распорядка МЭИ устанавливают следующий порядок. *«9.8.В период проведения аттестации успеваемости обучающихся преподаватель обязан по представлению старосты группы сделать отметку об уровне успеваемости каждого обучающегося за аттестационный период.»* Таким образом, предоставление деканату ведомостей текущего контроля обусловлено взаимодействием со старостами групп. Если администрация ВФ МЭИ считает это нарушение достаточно серьезным, чтобы объявлять за него выговор, то почему не возникало вопросов к старосте группы, который сообщил бы мне об этом и вопрос с ведомостями был бы оперативно разрешен? Ведь я не отказывался их предоставлять. Я просто забыл об этом.

Кроме того, приказом № 1128-к от 26.11.2014 была нарушена норма ст. 193 ТК РФ, согласно которой дисциплинарное взыскание применяется не позднее одного месяца со дня обнаружения проступка. Служебная записка декана А.С. Полякова датирована 14 октября 2014. Таким образом, руководство ВФ МЭИ узнало об этом факте раньше, чем за месяц до вынесения дисциплинарного взыскания, выразившемся в *«не заполнении документации обязательной к оформлению преподавателем»*.

Если администрация полагает, что нарушением является не предоставление ведомостей дважды подряд и убеждена в том, что оно заслуживает выговора, то это

противоречит формулировке из приказа 1128-к. Очевидно, что в таком случае однократное не предоставление также следует считать нарушением трудовой дисциплины. Тогда почему после первого нарушения никаких мер воздействия ко мне не применялось и более того – мне даже ничего об этом не сказали? Это снова свидетельствует о том, что данное нарушение было несущественным и стало объектом внимания только тогда, когда понадобился предлог для увольнения.

В акте № 30 от 20.11.2014 зафиксировано требование объяснений в течение 2-х дней и одновременно отказ их предоставить. Я не помню, чтобы мне предъявляли эти требования. Безотносительно к моим воспоминаниям, мне не дали 2-х дней на письменное объяснение.

Приказом № 1128-к от 26.11.2014 были нарушены:

1. норма ст. 192 ТК РФ, согласно которой дисциплинарным проступком является неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей.
2. норма ст. 192 ТК РФ, согласно которой при наложении дисциплинарного взыскания должны учитываться тяжесть совершенного проступка и обстоятельства, при которых он был совершен.
3. Норма ст. 193 ТК РФ, согласно которой дисциплинарное взыскание применяется не позднее одного месяца со дня обнаружения проступка.
4. Норма ст. 193 ТК РФ о порядке наложения дисциплинарных взысканий, согласно которой работнику дается 2 дня на письменное объяснение.

3. Приказ № 1131-к от 27.11.2014 об объявлении замечания;

Предлогом для него стал жалоба, поступившая 16 ноября 2014 от А.Л. Гусева, владельца и редактора журнала «Альтернативная Энергетика и Экология» (ниже «АЭЭ»). Она содержит нелепые, лживые и оскорбительные обвинения. Мои отношения с г-ном Гусевым имеют недолгую, хотя и насыщенную историю. 6 июня 2013 я официально обратился к нему с предложением опубликовать мое письмо с возражениями на лженаучную статью некоего Германа Трещалова из Узбекистана, опубликованную в «АЭЭ» и случайно попавшую в поле моего зрения. Сразу после этого А.Л. Гусев напросился ко мне в друзья и активно использовал меня в качестве рецензента, присылая

в течение лета 2013 по 2 – 3 статьи еженедельно, иногда чаще. При этом я не написал ни одной положительной рецензии, хотя большая часть раскритикованных статей была опубликована. За некоторые из рецензий Гусев мне заплатил, но не слишком много – в сумме 10 000 или 15 000 руб., точней не помню. При этом он предложил мне деньги сам, когда я начал отказываться от рецензирования из-за нехватки времени. Поэтому утверждение о том, что факт получения мною этих денег свидетельствует о моих корыстных побуждениях, является грязной ложью. Равно, как голословное заявление о попирании мною норм морали.

В жалобе Гусев также лжет о том, что журнал «АЭЭ» предоставил мне возможность опубликовать статьи в порядке исключения. Александр Леонидович не раз просил меня прислать статью для «АЭЭ», который из-за чрезмерной частоты выпусков (2 номера в месяц) испытывал трудности с материалом. Кроме того, уровень этого журнала весьма низок, т.к. за плату он принимает к публикации что попало. В том числе откровенно шарлатанские статьи вроде той, что стала поводом для моего знакомства с Гусевым. Утверждение о том, что я просился со своими статьями в его журнал, опровергается скриншотами нашей личной переписки. Они будут предъявлены суду, если суд сочтет эти детали важными, или если Ответчик попытается опровергать эти и другие факты моих отношений с журналом «АЭЭ».

Именно я свел с Гусевым администрацию ВФ МЭИ, что подтверждается скриншотами писем. Однако, в конце марта 2014 наши отношения разладились. К этому причастен новый директор ВФ МЭИ Султанов, который был замом по науке и вел дела с журналом «АЭЭ». Убежден в том, что он дискредитировал меня в глазах Гусева, т.к. администрация ВФ МЭИ уже тогда вела со мной латентную войну на выживание. Важную роль в этих событиях сыграл разоблаченный мною шарлатан Трещалов и русский кандидат наук Игорь Соколов, много лет живущий и работающий в США, который по какой-то причине взял Трещалова под свою опеку. До этого я никогда не сталкивался с Соколовым. Вдвоем они развязали против меня грязную войну в интернете и засыпали клеветническими доносами инстанции, включая администрацию Президента. Администрация ВФ МЭИ радостно ухватилась за эту возможность дискредитировать меня чужими руками, и подключившийся позднее Гусев также внес свой вклад. Из личной переписки с Гусевым я знаю, что Соколов запугивал его доносом в ФБР. Для Александра Леонидовича, который регулярно бывает в США и Европе, такая угроза была весьма серьезной. Вот почему он предал нашу дружбу и выступил на стороне этой коалиции.

Кроме того, администрацию ВФ МЭИ и Гусева связывают отношения, которые, на мой взгляд, имеют коррупционную подоплеку. Журнал принимает статьи сотрудников ВФ МЭИ пакетами с готовыми рецензиями, написанными в ВФ МЭИ, после чего публикует их все сразу в одном или двух соседних номерах. Свидетельством этому служит приказ и.о. директора ВФ МЭИ от 10 ноября 2014. Такой подход исключает объективное рецензирование и позволяет публиковать в журнале из списка ВАК статьи низкого качества. Исходя из факта таких отношений, я уверен в том, что А.Л. Гусев выполнил просьбу М.М. Султанова, когда прислал ему жалобу от 16 ноября 2014. В этой жалобе Гусев явно указывает на наличие неких партнерских отношений между журналом «АЭЭ» и ВФ МЭИ и шантажирует администрацию, требуя наказать меня. Однако между рецензируемым журналом и ВУЗом не может быть партнерских отношений в том, что касается публикации статей. Статьи должны проходить независимую экспертизу на общих основаниях. Совет рецензентов, о котором пишет в своем отзыве Ответчик, является неуклюжей попыткой вывернуться в ситуации, когда «интимные» отношения между ВФ МЭИ и «АЭЭ» стали предметом рассмотрения в Минобрнауки (согласно моему заявлению от 29.11.2014). Никакие советы рецензентов в ВУЗах не создаются.

Помимо оценочных суждений о моем моральном облике и научной квалификации, жалоба Гусева содержит ссылку на некую «*международную научную общественность*», якобы возмущенную моим поведением (каким именно?). Эту мифическую общественность представляет вышеупомянутый И. Соколов из США. Последнего не следует путать с уважаемым академиком из России, который имеет те же имя и фамилию и до недавнего времени был секретарем Президиума РАН.

Жалоба Гусева не содержит конкретных фактов. Исключением является ссылка на два моих комментария к статье «*Липовые публикации, липовые диссертации*» на сайте «Троицкий вариант», известном своей борьбой с коррупцией в сфере науки. Ответчик также приложил к делу скриншоты комментариев, сделанных значительно позднее - после моего увольнения. Обращаю внимание суда на то, что эти комментарии не могут рассматриваться в качестве доказательств по данному делу. Хотя я убежден в их справедливости и могу обосновать каждое утверждение!

Только один из двух комментариев, сделанных до моего увольнения (от 28.10.2014), можно истолковать, как действия, «*порочащие имя МЭИ*». Хотя в нем идет речь не о МЭИ, а о кандидатской диссертации директора ВФ МЭИ Султанова, которую я считаю научной фальшивкой. Данный вопрос рассматривается в Минобрнауки по моему

заявлению о лишении М.М. Султанова ученой степени. Оно было инициировано в октябре 2014, и в данный момент диссертация находится в экспертном совете ВАК. Кроме того, Кировский районный суд Волгограда назначил экспертизу диссертации в Российской Академии Наук. Существенная затяжка данного вопроса связана с сопротивлением МЭИ и давлением на Минобрнауки, которое, на мой взгляд, оказывает этот влиятельный ВУЗ. А также с клеветнической кампанией против меня, которую ведет ВФ МЭИ совместно с Гусевым, Трещаловым и Соколовым.

Безотносительно к этому, имя МЭИ порочит не мой комментарий на сайте «Троицкий вариант», а реакция М.М. Султанова на аргументированную критику своей диссертации. Достаточно было квалифицированно возразить, используя научные доводы (если они есть), и выставить критика самонадеянным профаном. Но вместо этого включается административный ресурс, пишутся жалобы в органы юстиции и собирается компромат на Д.Б. Зотьева от всех, кто к нему относится враждебно. Все это убедительно свидетельствует о том, что директору ВФ МЭИ нечего возразить по существу.

Кроме того, согласно п. 3 ст. 47 закона "Об образовании в Российской Федерации" № 273-ФЗ, *«Педагогические работники пользуются следующими академическими правами и свободами:*

1) свобода преподавания, свободное выражение своего мнения, свобода от вмешательства в профессиональную деятельность.»

В данном случае я, как ученый, публично высказал свое мнение по научному вопросу, имеющему общественное значение. Тот факт, что это не понравилось директору ВФ МЭИ (тогда еще он был И.О.), отнюдь не означает, что я опорочил имя МЭИ.

Ответчик пишет в отзыве, что в моих комментариях на сайте «Троицкий вариант» имела место клевета. Еще раз хочу подчеркнуть, что таких комментариев ровно два - от 28.10.2014! Перед тем, как применять ко мне дисциплинарное взыскание, следовало доказательно установить, что имела место клевета. Как это было сделано? На основании оценочного суждения обиженного М.М. Султанова и/или А.Л. Гусева? Клевета – это распространение заведомо ложных сведений. Какие именно сведения были заведомо ложными?

Комментарий в отношении журнала «АЭЭ» имеет под собой основания, т.к. в нем идет речь о публикации статей низкого качества. Ярким примером служат 4 статьи лжеученого мошенника Трещалова, опубликованные в этом журнале перед тем, как я

прислал Гусеву критическое письмо от 6.06.2013. Написав множество рецензий для «АЭЭ», я могу привести другие примеры, т.к. мои разгромные рецензии в конечном счете игнорировались А.Л. Гусевым. Это также наводит на определенные мысли об отношениях журнала с авторами.

Я убежден в том, что журнал «АЭЭ» занимается распространением псевдонаучных публикаций от недобросовестных искателей ученых степеней, а также удовлетворяет личные амбиции его владельца Гусева А.Л.. Поэтому 29.11.2014 я обратился в ВАК с письмом об исключении журнала «АЭЭ» из Перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени (письмо от 29.11.2014, ответ из ВАК от 25.12.2014 № 13-ПБ-МОН-41311).

Что касается платы за публикации липы, то это лишь мое предположение, о чем было прямо сказано в комментарии (без слова «липа»). Однако тот факт, что журнал «АЭЭ» взимает плату за публикации, легко подтвердить скриншотом письма Гусева. Поэтому клеветы в адрес журнала «АЭЭ» не было. Во всяком случае, ее факт не доказан и не обоснован иначе, как ссылкой на мнение владельца журнала. Но даже если факт клеветы имел бы место, то какое отношение это имело бы к МЭИ? В чем заключалось бы поругание честного имени МЭИ, за которое на меня наложено взыскание?

Что касается комментария в отношении и.о. директора ВФ МЭИ Султанова, то факт клеветы в его адрес также не установлен. Я считаю его диссертацию научной фальшивкой и тщательно обосновал это в своем отзыве. Вопрос о качестве его диссертации остается открытым и далеко не факт, что г-н Султанов не будет лишен ученой степени кандидата наук. Во всяком случае, мне никто еще не возразил по существу. Вместо этого директор ВФ МЭИ грязно уволил меня и пытался преследовать в Кировском суде г. Волгограда.

Таким образом, основания для дисциплинарного взыскания отсутствовали. Кроме того, в акте № 31 от 20.11.2014 зафиксировано требование объяснений в течение 2-х дней и одновременно отказ их предоставить. Я не помню в деталях, что говорил тогда, но был возмущен доносом от Гусева и еще больше тем, что меня заставляют оправдываться за него люди, которых я свел с Гусевым и которые использовали мой дружеский порыв помочь ему для интриг против меня. Возможно, что мое высказывание по этому поводу было интерпретировано, как отказ от дачи объяснений. Безотносительно к этой интерпретации, мне не дали 2-х дней на письменное объяснение.

Неверно составлен акт № 36 от 27.11.2014 об отказе ознакомиться с приказом под роспись. В нем указан номер приказа № 1131-к от 25.11.2014, однако этот приказ датирован 27.11.2014. В то же время акт № 35 от 27.11.2014 относится к приказу 1128-к от 26.11.2014, поэтому (более ранний) приказ № 1126-к от 25.11.2014 не мог стать предметом акта № 36 от 27.11.2014. Таким образом, из акта № 36 невозможно установить, к какому именно приказу он относится. Эта неразбериха возникла из-за того, что администрация ВФ МЭИ спешила избавиться от меня и путалась в наскоро сфабрикованных документах.

Приказом № 1131-к от 27.11.2014 были нарушены:

1. норма ст. 192 ТК РФ, согласно которой дисциплинарным проступком является неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей.
2. норма ст. 193 ТК РФ о порядке наложения дисциплинарных взысканий, согласно которой работнику дается 2 дня на письменное объяснение.
3. норма ст. 193 ТК РФ, которая устанавливает порядок ознакомления работника с приказом о наложении дисциплинарного взыскания.

4. Приказ № 1166-к от 9.12.2014 об объявлении мне замечания;

Сейчас мне трудно вспомнить обстоятельства, из-за которых 27 ноября 2014 я ушел с работы раньше времени. Вечерние занятия в филиале заканчиваются в 21.35, но преподаватели нередко сокращают последнюю пару. На мои занятия приходили только 1 – 3 студента из семи. Чаще всего я вел занятие для одного студента (Рылеева), поэтому имел возможность изложить материал быстрее и проводил две пары без перерывов. При этом, начиная с 27.11.2014 на каждое занятие приходила нач. отдела кадров Е.Б. Коваленко с «комиссией» и устраивала унижительное представление с зачитыванием актов, выговоров, замечаний и т.д., отнюдь не смущаясь присутствием студентов, если они уже были в аудитории. Это приводило меня в состояние такого эмоционального возбуждения, что я с трудом мог довести занятие до конца. Считаю, что в тех условиях, в которых мне пришлось работать, данное нарушение не является существенным. Также возможно, что 27 ноября 2014 не явился ни один студент. Такие дни порой случались. Как я подозреваю, студентам дали понять, что на мои пары можно не ходить.

В копии журнала выдачи ключей рядом с моей подписью и на других страницах можно найти свидетельства того, что преподаватели часто уходят с работы раньше 21.35, но позже окончания 1-й пары у вечерников (18-35). Примерами служат 4 предпоследних записи от 26.11.2014, одна из которых сделана в 19-45. а также записи от 27.11.2014: Гончарова 19-50, Усманов 19-22, Зенина 20-40, Машков 20-50, Курьянов 19-55 (ниже моей записи). Возможно, что не все из них вели в тот день вечерние занятия на 2-й паре, хотя желающие задержаться допоздна встречаются не так уж часто. Ясно, что на других сотрудников никакие акты не составлялись.

В объяснениях ответчика от 16.04.2015 пишется о «систематическом нарушении» в форме преждевременного ухода с занятий. Однако это не подтверждается документами, представленными суду (только акт № 37 от 28.11.2014). После 2-х выговоров и 3-х замечаний в течение 2-х недель фраза «наиболее щадящая форма взыскания» звучит издевательски. Администрация ВФ МЭИ отнюдь не «пыталась призвать Зотьева Д.Б. пересмотреть свое отношение к трудовым обязанностям», как пишет Ответчик, а собирала и придумывала основания для увольнения.

В акте № 38 от 4.12.2014 указан акт № 32 от 20.12.2014, которого нет в списке приложений к отзыву от 18.03.2015 № 516-5526/13 и списке приложений к отзыву от 16.04.2015 № 516-813/13. Его мне также не давал на руки. По-видимому, такого акта не существует. В таком случае акт № 38 от 4.12.2014 содержит ложные сведения и, стало быть, он недействителен.

В акте № 38 также указан акт № 33 от 27.11.2014 о преждевременном уходе с работы, однако последний не касается данного вопроса. Следовательно, акт № 38 от 4.12.2014 недействителен, т.к. его содержание противоречиво.

В то же время акт № 38 не ссылается на акт № 37 от 28.11.2014, в котором зафиксирован факт преждевременного ухода с работы 27.11.2014. Таким образом, по данному факту не было затребовано объяснение работника.

То, что в акте № 38 от 4.12.2014 написано по поводу моего высказывания о балагане и уходе в другой конец коридора, отражает только мое эмоциональное состояние. Согласно ст. 193 ТК РФ, «Если по истечении двух рабочих дней указанное объяснение работником не предоставлено, то составляется соответствующий акт». Двух дней ждать не

стали, но вместо этого в одном и том же акте зафиксировали требование объяснений и отказ их предоставить.

Утверждение Ответчика о том, что данное нарушение было систематическим, является ложью и ничем не подтверждается.

Приказом № 1166-к от 9.12.2014 были нарушены:

1. норма ст. 192 ТК РФ, согласно которой при наложении дисциплинарного взыскания должны учитываться тяжесть совершенного проступка и обстоятельства, при которых он был совершен.
2. ст. 193 ТК РФ в той части, которая устанавливает порядок получения объяснений от работника.

5. Приказ № 1167-к от 9.12.2014 об объявлении замечания;

Данное нарушение не является существенным по следующей причине. Согласно п. 9.7 Правил внутреннего распорядка МЭИ,

«9.7.....В функции старосты группы входят:

— персональный учет посещения студентами всех видов учебных занятий в журнале группы;

— представление журнала группы преподавателю, ведущему занятия, на подпись;

— ежедневное предоставление в дирекцию журнала группы с отметками о неявке или опоздании студентов на занятия с указанием причин;

.....

— сбор информации от преподавателей о текущем состоянии успеваемости в группе в установленном порядке и сроках, определяемых директором института.»

Согласно представленной выписке из журнала группы ТЭ-13В, я заполнял его, но не всегда. Я не заполнял журнал тогда, когда его мне не предоставляли. Староста ходил не на каждое занятия (один раз в неделю), а иногда журнал забывали взять в деканате. В ситуации, когда на занятиях редко присутствовало больше одного студента, такая ситуация естественна. Именно в те дни, когда журнал не заполнялся, его мне не давали

Пункт 4 положения о текущем контроле выполнения обязательных заданий и посещаемости, на которое ссылается Ответчик, противоречит п. 6.3 трудового договора,

согласно которому изменения условий трудового договора оформляются дополнительными соглашениями. Согласно ст. 57 ТК РФ «невключение в трудовой договор каких-либо из указанных прав и (или) обязанностей работника и работодателя не может рассматриваться как отказ от реализации этих прав или исполнения этих обязанностей.» Здесь имеется в виду отказ какой-либо из сторон, но ТК РФ не предусматривает тот порядок расширительного толкования трудового договора, о котором идет речь в п. 4 положения о текущем контроле выполнения обязательных заданий и посещаемости. Таким образом, пункт 4 положения является ничтожным.

Кроме того, насколько я помню, меня с этим положением не знакомили.

В акте № 38 от 4.12.2014 одновременно зафиксировали требование объяснений по служебной записке Агринской и отказ их предоставить. Кроме того, в акте № 38 указан акт № 33 от 27.11.2014 о преждевременном уходе с работы, однако последний не касается данного вопроса. Акт № 32 от 27.11.2014 не существует или является подложным. Поэтому акт № 38 от 4.12.2014 недействителен, т.к. его содержание противоречиво.

Приказом № 1167-к от 9.12.2014 были нарушены:

1. норма ст. 192 ТК РФ, согласно которой дисциплинарным проступком является неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей.
2. норма ст. 192 ТК РФ, согласно которой при наложении дисциплинарного взыскания должны учитываться тяжесть совершенного проступка и обстоятельства, при которых он был совершен.
3. ст. 193 ТК РФ в той части, которая устанавливает порядок получения объяснений от работника.

6. Приказ № 1204-к от 22.12.2014 об объявлении замечания;

Я не видел ни одного внутреннего документа, обязывающего преподавателя являться на заседания кафедры. Это также не предусмотрено трудовым договором. Поэтому посещение заседаний кафедры не является трудовой обязанностью. Заведующий может назначить заседание когда угодно, и никогда не приходят все сотрудники. Такого рода коллизии всегда решаются внутри кафедры. Ни один из обсуждавшихся на этом заседании вопросов не имел ко мне отношения (при моей нагрузке в 59,8 часа и только в осеннем семестре). Однако, нач. отдела кадров Е.Б. Коваленко устроила очередное шоу.

Я знал, что это заседание организовано с целью устроить надо мной судилище, поэтому не пошел на него. Поскольку я не явился, повестку наскоро переделали. Из трех вопросов в повестке, 1-й и 3-й вопросы не было необходимости обсуждать. Экзаменационные билеты никогда не утверждаются на заседании кафедры, их утверждает заведующий единолично. Собирать кафедру для сообщения о том, что заведующим уже сделана заявка на закупку оборудования, не было никакого смысла. Таким образом, разве лишь вопрос о необходимости подготовить УМК на весенний семестр имел какой-то смысл, но ради одного этого кафедру собирать не стали бы. Достаточно было в индивидуальном порядке проинформировать тех преподавателей, у которых УМК не готовы. Таким образом, повестка заседания выглядит наспех придуманной, тогда как на самом деле собирались обсуждать мой моральный облик.

Из 13 сотрудников кафедры присутствовало только 7. В частности, отсутствовал бывший декан С.Г. Поляков. Никому другому взыскания не объявлялись. Это доказывает, что повод для объявления мне замечания был ничтожным.

Согласно ст. 193 ТК РФ «Если по истечении двух рабочих дней указанное объяснение работником не предоставлено, то составляется соответствующий акт». Двух дней ждать не стали, но вместо этого в одном и том же акте № 42 от 11.12.2014 зафиксировали требование объяснений и отказ их предоставить. Я не помню, был ли такой отказ и задавались ли мне такие вопросы. Судя по изобилию бумаг, администрации ВФ МЭИ легко сфабриковать любую.

Приказом № 1204-к от 22.12.2014 были нарушены:

1. норма ст. 192 ТК РФ, согласно которой дисциплинарным проступком является неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей.
2. норма ст. 192 ТК РФ, согласно которой при наложении дисциплинарного взыскания должны учитываться тяжесть совершенного проступка и обстоятельства, при которых он был совершен.
3. ст. 193 ТК РФ в той части, которая устанавливает порядок получения объяснений от работника.

7. Приказ № 1205-к от 23.12.2014 о применении дисциплинарного взыскания в виде увольнения;

В акте № 42 от 11.12.2014, положенном в основу, зафиксировано требование дачи объяснений по факту отсутствия индивидуального плана и, одновременно, отказ их предоставить. Двух дней ждать не стали, и даже не ждали одного часа. Таким образом, взыскание было применено без объяснений от работника, истребованных в установленном порядке.

Кроме того, приказом 1205-к от 23.12.2014 нарушена норма ст. 193 ТК РФ, согласно которой «дисциплинарное взыскание применяется не позднее одного месяца со дня обнаружения проступка». Согласно п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 № 2, «днем обнаружения проступка, с которого начинается течение месячного срока, считается день, когда лицу, которому по работе (службе) подчинен работник, стало известно о совершении проступка, независимо от того, наделено ли оно правом наложения дисциплинарных взысканий». Этим лицом был зав. кафедрой В.Г. Кульков, узнавший об отсутствии у меня инд. плана не позднее, чем 16 сентября 2014, что видно из служебной записки от 19 ноября 2014.

По этой же причине не соответствует закону приказ № 1126-к от 25.11.2014, о чем подробно пояснялось выше. Я отказался заполнять индивидуальный план, т.к. администрация искусственно создала конфликтную ситуацию, не выделив мне нагрузку согласно трудовому договору.

Акт № 33 от 27.11.2014 об ознакомлении с уведомлением № 230 предшествовал ознакомлению с приказом 1126-к от 25.11.2013, оформленному актом № 34 от 27.11.2014. Таким образом, уведомление № 230 о необходимости заполнить индивидуальный план было сделано до того, как применено дисциплинарное взыскание по тем же основаниям. Следовательно, отказ от заполнения плана после этого (незаконного) взыскания нельзя рассматривать, как новый дисциплинарный проступок.

Приказ № 1167-к от 9.12.2014, который упоминается в приказе о взыскании в формате увольнения, не имеет отношения к проблеме индивидуального плана.

Таким образом, приказ № 1205-к от 23.12.2014 нарушил порядок вынесения дисциплинарного взыскания, предусмотренный ст. 193 ТК РФ. Кроме того, вины работника здесь не было.

Согласно ст. 82 ТК РФ: «Увольнение работников, являющихся членами профсоюза, по основаниям, предусмотренным пунктами 2, 3 или 5 части первой статьи 81 настоящего Кодекса производится с учетом мотивированного мнения выборного органа первичной профсоюзной организации в соответствии со статьей 373 настоящего Кодекса». Я являюсь членом профсоюза, однако в данном случае никто мнение профсоюзного органа не спрашивал.

Приказом № 1205-к от 23.12.2014 были нарушены:

1. ст. 193 ТК РФ в той части, которая устанавливает порядок получения объяснений от работника.
2. норма ст. 192 ТК РФ, согласно которой дисциплинарным проступком является неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей.
3. норма ст. 81 ТК РФ, согласно которой поводом для увольнения может служить только неоднократное нарушение трудовых обязанностей.
4. норма ст. 81 ТК РФ, согласно которой увольнению должны предшествовать дисциплинарные взыскания.
5. ст. 82 ТК РФ.

8. Приказ № 1206-к от 23.12.2014 об увольнении является незаконным, т.к. он целиком основан на незаконном приказе № 1205-к от 23.12.2014.

Обращаю внимание суда на то, что во всех актах не указано время, почти все они подписаны одними и теми же лицами. Все акты и приказы приняты в промежутке от 20.11.2014 до 25.1.2.2014. За это время я появился на работе 5 раз и получил 6 взысканий, а также был уволен. Все это подтверждает тот факт, что мое увольнение было наскоро сфабрикованным и незаконным.